

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «СОВЕСТЬ» В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Зенковский Александр Владимирович,

судья Северо-Казахстанского областного суда в отставке, почетный работник судебной системы,

Тарасевич Иван Анатольевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: 531812@gmail.com

¹Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

В статье рассматривается понятие «совесть» как морально-правовой феномен в контексте российского конституционализма, где оно приобретает как юридическое, так и глубокое культурно-философское значение. Авторы акцентируют внимание на уникальности включения термина «совесть» в законодательство Российской Федерации. Совесть анализируется не только как категория личной морали, но и как принцип, служащий основой для гражданской активности и морального выбора личности в публичной сфере.

Исследование охватывает несколько уровней понимания совести: правовой, культурный, религиозный и философский. Авторы прослеживают, как в российской правовой традиции совесть была связана с понятиями справедливости, милосердия, нравственного чувства и внутреннего закона. Значительное внимание уделено историческим и религиозным источникам, включая православную этику, оказывавшую влияние на формирование национального правосознания. В этом контексте совесть трактуется не как субъективное мнение, а как универсальный ориентир нравственности, имеющий надличностную природу. Правовое измерение совести рассматривается в контексте российского законодательства, в частности в уголовно-процессуальном праве и конституционном праве в целом. Авторы ставят под сомнение узко либеральную трактовку совести, подчёркивая её религиозно-духовное измерение. Совесть рассматривается как средство поддержания устойчивого общественного развития.

В заключение предлагается дополнение к преамбуле Конституции России. Таким образом, статья предлагает оригинальный взгляд на совесть как конституционно-правовую ценность, имеющую ключевое значение для формирования гуманистического правопорядка в России.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: совесть, конституционализм, правовая культура, мораль, Конституция России, свобода совести, право, справедливость, религиозные ценности, милосердие

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT «CONSCIENCE» IN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Zenkovsky A.V.,

Judge of the North Kazakhstan Regional Court in retirement, Honorary Judicial Officer,

Tarasevich I.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: 531812@gmail.com

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

This article examines the concept of “conscience” as a moral-legal phenomenon in the context of Russian constitutionalism, where it acquires both juridical and profound cultural-philosophical significance. The authors emphasize the uniqueness of incorporating the term “conscience” into the legislation of the Russian Federation.

Conscience is analyzed not only as a category of personal morality, but also as a principle serving as the foundation for civic engagement and moral choice of the individual in the public sphere.

The study encompasses several levels of understanding conscience: legal, cultural, religious, and philosophical. The authors trace how conscience in the Russian legal tradition has been linked to the concepts of justice, mercy, moral feeling, and inner law. Significant attention is devoted to historical and religious sources, including Orthodox ethics, which influenced the formation of national legal consciousness. In this context, conscience is interpreted not as subjective opinion, but as a universal moral compass possessing a supra-personal nature.

The legal dimension of conscience is examined within the context of Russian legislation—particularly in criminal procedural law and constitutional law as a whole. The authors challenge the narrowly liberal interpretation of conscience, emphasizing its religious-spiritual dimension. Conscience is viewed as a means of maintaining sustainable social development.

In conclusion, an amendment to the Preamble of the Russian Constitution is proposed. Thus, the article offers an original perspective on conscience as a constitutional-legal value of key importance for establishing a humanistic legal order in Russia.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: conscience, constitutionalism, legal culture, morality, Russian Constitution, freedom of conscience, law, justice, religious values, mercy

В постсоветском законодательстве развитие получили некоторые термины, которые ранее использовались достаточно редко. В частности, это понятие «совесть», включенное в ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025)¹. Указанная норма устанавливает, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Кроме того, термин «совесть» находит свое отражение в присягах различных должностных лиц системы публичной власти. Согласно ч. 1 ст. 8 Закона РФ «О статусе судей в РФ» от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023)² при принятии присяги судья торжественно клянётся исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону при безусловной детерминанте долга судьи и совести. Аналогичная норма присутствует в ч. 3 ст. 2 Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ» от 30.05.2001 № 70-ФЗ (ред. от 28.11.2018)³, где совесть также упоминается как обязательный нравственный регулятор профессиональной деятельности.

Не менее показательным является текст присяги нотариуса, закреплённый ст. 14 «Основ законодательства РФ о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 05.02.2025)⁴, где совесть выступает моральным императивом деятельности нотариуса наряду с законом.

В советском законодательстве совесть в правовом измерении также присутствовала в тексте присяги судей и народных заседателей судов Союза ССР⁵, но данное понятие не фигурировало ни в процессуальном, ни тем более в конституционном законодательстве.

Некоторые авторы, в основном либеральные, являющиеся проводниками западной традиции, критически относятся к применению данного термина в юридической плоскости, считая его проявлением правовой демодернизации, обусловившей «беспомощность права в российском обществе» [1, с. 606–607].

И это неудивительно, так как в отличие от российских традиций, в англосаксонской правовой культуре, которую, как правило, либерально настроенные юристы считают эталонной, нет прямого аналога понятия «совесть». Это создает существенные сложности для попыток адаптации западных правовых концепций к российской правовой системе [2].

¹ СЗ РФ. 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

² Российская юстиция. – 1995. – № 11.

³ СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2288.

⁴ Российская газета. – 1993. – № 49.

⁵ Постановление ВС СССР от 02.11.1989 «О присяге судей и народных заседателей судов Союза ССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1989. – № 22. – Ст. 420.

Суть критики термина «совесть» со стороны либерального лагеря в целом сводится к нескольким пунктам. Прежде всего, указывается на фундаментальную субъективность понятия совести. Каждый человек формирует свое уникальное представление о морали под влиянием личного опыта, воспитания и культурного контекста. Существует мнение, что эта индивидуальность делает совесть крайне сложной для объективной правовой интерпретации, что может создавать риск произвольного и непредсказуемого правоприменения [3, с. 148–151].

Также указывается на якобы принципиальное противоречие между концепцией совести и требованием правовой определенности. «Совесть», на взгляд либералов, представляет собой размытую категорию, которая не позволяет однозначно установить правовые рамки прав и обязанностей.

Как следствие, либеральные правоведы настаивают на исключении подобных морально-этических понятий из юридической практики. Вместо этого они предлагают опираться на более точные, с их точки зрения, объективные правовые конструкции, которые обеспечивают «недвусмысленность» и «последовательность» правоприменения.

Мы же полагаем, что термин «совесть» является органичным для российского права и вполне поддается юридической формализации. Более того, феномен совести как таковой является неотъемлемой частью российской правовой системы и, по нашему убеждению, может претендовать на господствующую.

Так, ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ необходимость сохранения памяти предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога», возведена в конституционный принцип. Признание веры в Бога как государствообразующего фактора является важным шагом формализации фактической правопреемственности РФ в отношении всего развития российского государства как минимум со времен Крещения Руси [4, с. 3–12].

Кроме того, в соответствии с поправкой к Конституции России 2020 года⁶ сегодня русский язык именуется языком «государствообразующего народа», что закреплено ч. 1 ст. 68. И это очень важно в контексте нашего исследования, так как русское слово «совесть» имеет уникальный смысл, отличный от понимания этого термина в иных культурах.

В различных лингвистических культурах восприятие концепта «совесть» формировалось под влиянием господствующей в них религиозной традиции. Например, в англиканской традиции совесть не всегда занимает высшее место среди нравственных ориентиров. Это подтверждается, например, словами британского литературоведа и историка Д. Рейфилда, который указывает на то, что в англиканстве⁷ действия человека скорее определяются не совестью, а волей монарха [5, с. 125–154]. Такая особенность в сочетании с характерным для англосаксонского менталитета прагматизмом затрудняет восприятие совести как абсолютного критерия добра и зла, оставляя приоритет за практической целесообразностью [6, с. 41–45].

Соответственно, можно предположить, что представители англо-саксонского общества не вполне понимают смысл термина «совесть», когда его употребляют их российские коллеги. Но, если бы даже зарубежные правоведы имели аутентичное русскому понимание совести, то и в этом случае, как мы уже указывали выше, они критиковали бы его с позиции юриспруденции, так как в их парадигме совесть часто является как минимум вторичной. На первом же месте, согласно их мировоззрению, стоит своеобразная «правовая технология».

С этой точки зрения становится совершенно ясным отношение представителей английского судебного сообщества к особенностям российского правосудия. Еще каких-нибудь 10 лет назад они, посещая российские вузы, язвительно и даже высокомерно критиковали нормы российского права, закрепляющие судебское усмотрение и руководство совестью в принятии решений. На таких встречах мы присутствовали лично и наблюдали описанное поведение англичан. Сейчас их поведение нам более понятно – они понимают совесть иначе, чем российский правоприменитель.

⁶ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

⁷ Англиканство – это христианская деноминация, возникшая в Англии в XVI веке в результате реформации и организационного отделения от Римско-католической церкви. Она сочетает в себе католические традиции (в литургии и церковном устройстве) и протестантскую теологию.

Что же представляет собой совесть в российской традиции, что под ней понимали наши предки, относилась ли она к идеалам их жизни, о которых упоминается в Конституции России после реформы 2020 года?

Для ответа на эти вопросы обратимся к одному из известнейших научных источников имперской России, каким, безусловно, является энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В нем представлен глубокий философский анализ понятия совести⁸, раскрываются две основные теории её происхождения: эволюционизм и интуитивизм.

Эволюционизм рассматривает совесть как результат социального развития. Согласно ему совесть формируется через усвоение опыта поколений, где альтруистические действия постепенно начинают оцениваться позитивно, а эгоистические – негативно. Ключевую роль здесь играет наследственная передача социальных норм и ассоциативное мышление.

Интуитивизм, напротив, полагает совесть врожденным духовным свойством человека, связанным с высшим моральным порядком. Совесть рассматривается как объективный механизм нравственной оценки, который существует независимо от индивидуального опыта.

Согласно указанной словарной статье оба подхода имеют свои недостатки. Например, эволюционизм не может объяснить первоначальное происхождение нравственного чувства, а интуитивизм сталкивается с проблемой существования «ложной совести».

Но все же Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, как нам видится, тяготеют к интуитивизму и подчеркивают, что совесть – это непосредственное выражение нравственного мирового порядка или высшего существа. Формула совести для них предельно лаконична: «Совесть есть голос Божий». Нужно отметить, что такого понимания совести придерживались многие выдающиеся русские мыслители, в частности Н.О. Лосский [7, с. 101].

Кроме того, существуют и другие авторитетные источники, которые изъясняют понимание совести в России в период до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года.

Прежде всего сюда мы относим Пространный катехизис Православной церкви митр. Московского Филарета (Дроздова). В нем автор отмечает, что совесть – это присущая человеческой природе «материя», на которой отражаются все его поступки во вневременном контексте. Именно совесть окрашивает их в темные или светлые тона объективно, независимо от психофизического состояния индивидуума. О событиях Конца мира он пишет: «Совесть каждого человека откроется перед всеми, и обнаружатся не только все дела, какие кто сделал во всю свою жизни на земле, но и все сказанные слова, тайные желания и помышления»⁹.

Владыка Филарет непосредственно указывает на совесть, как искру Бога в сущности каждого человека: «Закон Божий внутренний, или свидетельство совести, и закон Божий внешний, или заповеди Божии»¹⁰.

Представление о совести содержится в Деяниях святых апостолов. Апостол Павел говорит о язычниках, которые «показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:15). Здесь он прямо говорит о совести как о данной каждому человеку с рождения независимо от его отношения к религии способности безошибочно отличать добро от зла.

Также отметим, что такой знаменитый церковный писатель, чье литургическое и догматическое творчество определило строй богослужения христианской церкви в целом, как Иоанн Златоуст в своих толкованиях на Послание к Римлянам 2:15 подчеркивает, что закон Божий, написанный в сердцах людей, подтверждается совестью. Он отмечает, что в День суда каждому человеку не потребуются свидетели, так как его собственные мысли и поступки будут достаточным свидетельством. Совесть, согласно Златоусту, играет роль внутреннего судьи, который то обвиняет, то оправдывает человека. Таким образом, она действует как инструмент божественного закона в сердцах людей и помогает им осознавать свои поступки¹¹.

⁸ Совесть // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]: в 86 т. Дополнительный том II–А. Пруссия – Юма. Россия. – С.-Петербург, 1907. – С. 642–646.

⁹ Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, свт. Пространный христианский катехизис Православных кафеолических Восточных Церквей. – Изд. 66-е. – Москва: Синодальная типография, 1886. – С. 52.

¹⁰ Там же. – С. 106.

¹¹ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского. В XII т. Т. 7–9. – Минск, 2005. – С. 1165.

И, конечно же, мы должны обратиться к Евангелию. Пожалуй, одним из ярких эпизодов, в котором Бог раскрыл сущность человеческой совести, является тот, когда ко Христу книжники и фарисеи привели женщину, пойманную в момент прелюбодеяния, и поставили её перед Ним (Иоан. 8: 1–11). При этом они напоминали Ему закон Моисея, который предписывает побивание такой женщины камнями. Их истинной целью была не справедливость, а искушение Иисуса: они хотели, чтобы Он нарушил закон Моисея, либо произнес приговор, который противоречил бы Его учению о милосердии.

Христос ответил: «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень». Услышав это, обвинители один за другим начали уходить, начиная со старших. Через некоторое время остались только Христос и женщина. Он спросил её о том, нет ли ещё кого-нибудь, кто бы осуждал её. Когда она ответила, что никого, Иисус сказал: «И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши».

Этот отрывок демонстрирует милосердие Христа, его способность видеть далее буквы закона, понимать человеческие слабости и возможность личного покаяния и изменения. Кроме того, здесь мы видим проявление совести даже в душах противников Христа, людей закоснелых в своих заблуждениях, что указывает на силу совести, проявляющуюся даже в их душах. После такого примера сложно говорить о субъективности совести как таковой.

Жизнь Христа была эталоном деятельности любого человека в России после её просвещения светом Евангелия. Соответственно, совесть в российской традиции – это не просто побуждение к справедливости, но движение к справедливости высшей, средоточием которой, в частности, является милосердие [8, с. 111–134], ярко проявленное Христом в приведенном евангельском отрывке. Совесть пронизывает всю российскую культуру, имеющую святоотеческие корни. Это относится и к советскому периоду, о чем мы упомянем несколько ниже.

Особо отметим, что российская духовная традиция на первое место ставила именно совесть, как фундамент для второстепенных по отношению к ней справедливости и милосердия. Соответственно, совесть применительно к праву в российской традиции исключает понимание права как своеобразной «технологии». Это явление экзистенциальное.

В ч. 2 ст. 67.1 Конституции России говорится о необходимости сохранения памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога. При этом термин «сохранять» имеет множество смыслов и оттенков, среди которых беречь, следовать чему-то, исполнять¹².

Следовательно, сохранение памяти предков подразумевает и принятие понимания совести в российской культуре, которое мы описали выше. Таким образом, совесть – это один из идеалов, о которых говорится в ч. 2 ст. 67.1 Конституции России, при этом имеющий фундаментальное и строго определенное значение.

Подчеркнем, что формулировка ч. 2 ст. 67.1 Конституции России через отечественную религиозную традицию фактически во многом раскрывает нам суть феномена «совести» как части российской конституционной доктрины. Идеалы предков, как и их вера, немислимы без понятия «совесть». Значит, сейчас (после конституционной реформы 2020 года) можно определённо утверждать, что термин совесть используемый в ст. 28 Конституции также имеет и подчеркнутый религиозный подтекст, определяемый конкретной российской традицией. При этом мы не отвергаем полностью эволюционизм, который рассматривает совесть как результат социального развития. Мы лишь смещаем акценты.

Именно на совокупности личной совести каждого представителя народа выросло всё лучшее, чего добилась в своем развитии Россия. В тоже время принятие религиозно обусловленного утверждения о том, что совесть априори является частью сущности любого человека, коренным образом может поменять саму парадигму современного российского конституционализма.

Делаем неизбежный вывод о том, что концепт совести, являясь конституционной ценностью, должен быть не только сохранен в нормах УПК РФ, но и актуализирован во всех сферах законодательства.

Также концепт совести, безусловно, присутствовал у советского законодателя. Например, в Уставе КПСС говорилось, что коммунист должен действовать «по велению совести»¹³.

¹² Сохранять // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т. 2. – 2-е изд., исправ. и значительно умноженное по рукописи автора. – Санкт-Петербург; Москва: издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – С. 291.

¹³ Устав Коммунистической партии Советского Союза: принят XXII съездом КПСС. – Москва, 1961. – 64 с.

В постсоветском же уголовно-процессуальном законодательстве данный термин появился почти за 20 лет до включения в Конституцию России ст. 67.1. В данном случае мы видим преемственность и тенденцию.

Если о «совести» как неотъемлемой части российского конституционализма, обусловленной в том числе духовно-религиозной традицией, сейчас можно говорить твердо, то о «совести» как части советского конституционализма писать сложнее (хотя, по нашему убеждению, возможно и нужно, но это тема другого глубокого исследования). Мы же убеждены, что ментальное восприятие сущности термина «совесть» (пусть до конца и не формализованное даже в сознании человека в условиях советской власти) у советского и российского законодателя практически совпадали.

Они не могли не коррелировать, так как традиция понимания совести как внутреннего голоса, дающего нравственную оценку не только действий, но и мыслей человека, передавалась посредством социума из поколения в поколение даже в условиях декларации строительства атеистического государства. Как справедливо отмечал Б.А. Кистяковский, особенностью русского правосознания является «слитное существование в сознании норм права и норм нравственности» [9, с. 620]. Уверены, что этот внутренний голос у религиозного человека и атеиста различается только в отдельных второстепенных деталях.

В случае с российским уголовно-правовым законодательством мы сталкиваемся еще и с конституционной доктриной как неотъемлемой частью конституционализма, которая «обязала» законодателя использовать один из ключевых терминов «совесть» задолго до его конституционного раскрытия в 2020 году (хотя и косвенного через традицию). Это является еще одним подтверждением фундаментальности понятия «совесть» для российской правовой действительности как части конституционной доктрины, существующей объективно.

Соответственно, на основе изложенного возможно предложить юридическое определение совести с учетом российской правовой и культурной традиции: совесть – это внутренний морально-правовой регулятор, представляющий собой врожденную способность человека к объективной нравственной оценке собственных действий и мыслей, в окончательном формировании которой индивидуальный опыт имеет второстепенное значение. В российской правовой системе совесть преимущественно детерминирована высшими духовно-религиозными принципами в контексте идеалов, переданных нам предками, что было актуализировано конституционной поправкой 2020 года, и выступает дополнительным к закону критерием при принятии решений должностными лицами органов публичной власти, в частности судьями.

В заключение нужно отметить, что, по нашему мнению, появление термина «совесть» в нормативно-правовых актах, регламентирующих функционирование судебной власти, закономерно. Суды – это важнейший механизм жизнедеятельности государства. Именно суды представляют собой органы, которые способны оценить деятельность любого института и человека и восстановить своим решением/приговором справедливость.

Российский законодатель с самого начала чувствовал фундаментальность для жизнедеятельности государства понятия «совесть» и обратился к нему в поисках твердой почвы на поле правовой доктрины как к универсальному нравственному ориентиру, способному компенсировать пробелы формального права и подчеркнуть моральную основу принимаемых решений. Думается, что обращение российского законодателя в начале 90-х годов прошлого века (подчеркнем, что даже в условиях строительства либерального государства) к термину «совесть» можно рассматривать и в трансцендентной плоскости как акт отражения в его сознании духовно-религиозного начала. Следующим логичным шагом может стать более ясное и детальное развертывание понимания термина «совесть» в Основном законе России.

В частности, с учетом поправки 2020 года, имеет смысл дополнить преамбулу Конституции России после слов «...на своей земле» словами «руководствуясь совестью».

Список литературы

1. *Исмагилова, М.М.* Философское понимание силы права: совесть и достоинство в истоках народной органической жизни / М.М. Исмагилова, А.В. Римский, В.П. Римский // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2022. – № 47(3). – С. 606–607.

2. Яшин, А.Н. Проблема совести в философии русского правосудия / А.Н. Яшин // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/03/80003> (дата обращения: 05.06.2025).
3. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. – 649 с.
4. Осавелюк, А.М. Идеалы и вера в Бога, переданные нам предками, в содержании новой редакции Конституции Российской Федерации / А.М. Осавелюк // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 1. – С. 3–12.
5. Рейфилд, Д. Заметки об Англии / Д. Рейфилд // Английский национальный характер / под ред. М.М. Филипповой. – Москва: АСТ, 2006. – С. 125–154.
6. Бойчук, И.В. Отражение концепта «совесть» в английской, русской и французской литературах / И.В. Бойчук // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы IV Международной научно-практической конференции, 22–23 ноября 2013 г. / М-во образования и науки Российской Федерации [Департамент гос. политики в сфере высш. образования], Белгородский гос. нац. исследовательский ун-т; [редкол.: А.М. Амаатов (отв. ред.), Т.М. Тимошилова, Е.М. Шевченко]. – Белгород: Белгород: НИУ «БелГУ», 2013. – С. 41–45.
7. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики / Н.О. Лосский. – Москва: Политиздат, 1991. – 368 с.
8. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1993. – 383 с.
9. Кистяковский Б.А. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский. – Москва: М. и С. Сабашниковы, 1916. – 704 с.

References

1. Ismagilova, M.M. Philosophical understanding of the power of law: conscience and dignity in the origins of folk organic life / M.M. Ismagilova, A.V. Rimsky, V.P. Rimsky // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. – 2022. – No. 47(3). – Pp. 606–607.
2. Yashin, A.N. The problem of conscience in the philosophy of Russian justice / A.N. Yashin // Modern scientific research and innovation. – 2017. – No. 3 [Electronic resource]. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/03/80003> (access date: 05.06.2025).
3. Chestnov, I.L. Postclassic theory of law / I.L. Chestnov. – St. Petersburg: Aleteya, 2012. – 649 p.
4. Osavelyuk, A.M. Ideals and faith in God, transmitted to us by our ancestors, in the content of the new edition of the Constitution of the Russian Federation / A.M. Osavelyuk // State power and local self-government. – 2021. – No. 1. – Pp. 3–12.
5. Rayfield, D. Notes on England / D. Rayfield // English national character / Ed. M.M. Filippova. – Moscow: AST, 2006. – Pp. 125–154.
6. Boychuk, I.V. Reflection of the concept of “conscience” in English, Russian and French literature / I.V. Boychuk // Linguistic and methodological aspects of teaching foreign languages: materials of the IV International Scientific and Practical Conference, November 22–23, 2013 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation [Department of State Policy in Higher Education], Belgorod State. nat. research university; [editor: A.M. Amatov (resp. ed.), T. M. Timoshilova, E. M. Shevchenko]. – Belgorod: NRU BelSU, 2013. – Pp. 41–45.
7. Lossky, N.O. Conditions of absolute goodness: Fundamentals of ethics / N.O. Lossky. – Moscow: Politizdat, 1991. – 368 p.
8. Berdyaev, N.A. On the appointment of a person / N.A. Berdyaev. – Moscow: Republic, 1993. – 383 p.
9. Kistyakovsky B.A. Essays on the methodology of social sciences and the general theory of law / B.A. Kistyakovsky. – Moscow: M. and S. Sabashnikov, 1916. – 704 p.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025.

Received: 17.11.2025.

Статья принята к публикации: 13.02.2026.

Accepted: 13.02.2026.